

Двухжилова Ирина Владимировна

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1914 - 1915 Г.)

Анализируется рассмотрение проблем военного времени на заседаниях Тамбовского губернского земского собрания в период 1914-1915 гг. Источниками стали опубликованные Журналы очередного и чрезвычайных губернских земских собраний, а также материалы фондов Государственного архива Тамбовской области. Делается вывод, что события военного времени наложили отпечаток на все проблемы, решавшиеся земством, и добавили целый ряд новых. Однако в целом деятельность тамбовского земства в указанный период можно охарактеризовать как положительную.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. III. С. 64-71. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. **Дашидоржиева Б. В.** Лакуна в межкультурной коммуникации. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2013. 122 с.
6. **Де-Вос Дж.** Этнический плюрализм // *Личность. Культура. Этнос: современная психологическая антропология* / под ред. А. А. Белика. М.: Смысл, 2001. С. 242-273.
7. **Дорфман Л. Я.** Конструкт «Я» и культурные потенциалы личности // *Визуальная культура XX века и проблемы современного образования* / под ред. Т. И. Гадаловой, Р. Д. Зобачевой, Е. А. Кравченко, А. А. Мансветова. Пермь, 1999. С. 299-307.
8. **Материалы Всебурятского съезда по консолидации и духовному возрождению нации:** доклады и выступления. Улан-Удэ: ВАРК (Всебурятская ассоциация развития культуры), 1995. 212 с.
9. **Cai J. D., Rodriguez J. I.** Adjusting to Cultural Differences: the Intercultural Adaptation Model // *Intercultural Communication Studies*. 1996-7. Vol. VI. № 2.
10. **Cultural Memory Studies:** an international and interdisciplinary handbook. Berlin: Walter de Gruyter, 2008.

MECHANISMS AND FACTORS FOR ADAPTATION OF CULTURAL IDENTITY

Dashidorzhieva Bairma Vladimirovna
Purbueva Irina Dabaevna

Buryat State University (Branch) in Aginskoye
bairma-1984@mail.ru; irpur@mail.ru

The article provides an analysis of the basic problems of the adaptation of cultural identity under the conditions of modern society. The authors present a general conception of the internal mechanisms of personal self-identification, the lacunarity of cross-cultural communication as a factor for the formation of flexible or hybrid identity. The paper introduces and analyzes the multimodal structure of the adaptation of cultural identity, argues for the communicative memory of identity as an adaptation mechanism and basis for overcoming lacunas. This thesis is exemplified by the materials of the All-Buryat Congress on Consolidation and Spiritual Revival of the Nation and the programme "Psychological and Pedagogical Maintenance of the Adaptation of the Children of Migrants".

Key words and phrases: cultural identity; lacunarity of communication; hybrid identity; adaptation; communicative memory; multimodal structure of adaptation of identity; the Buryats; children of migrants.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Анализируется рассмотрение проблем военного времени на заседаниях Тамбовского губернского земского собрания в период 1914-1915 гг. Источниками стали опубликованные Журналы очередного и чрезвычайных губернских земских собраний, а также материалы фондов Государственного архива Тамбовской области. Делается вывод, что события военного времени наложили отпечаток на все проблемы, решавшиеся земством, и добавили целый ряд новых. Однако в целом деятельность тамбовского земства в указанный период можно охарактеризовать как положительную.

Ключевые слова и фразы: земство; Тамбовская губерния; Первая мировая война; военнопленные; младшие чины; лазарет; смета; эпидемиологический барак.

Двухжилова Ирина Владимировна, к.и.н.

Тамбовский государственный технический университет
e_riniya@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАМБОВСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЗЕМСКОГО СОБРАНИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ИЮЛЬ 1914 – 1915 Г.)[©]

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00277.

Вступление России в Первую мировую войну вызвало рост патриотических настроений, которые впоследствии С. П. Мельгунов охарактеризовал как «некритический патриотизм» [13, с. 21], подразумевая, что в обществе преобладали «шапкозакидательские настроения». Однако органы самоуправления в большинстве случаев выступали патриотами практичными: земский опыт времён Русско-японской войны в новых условиях оказался востребован. Инициативу Московской губернской земской управы по созданию комитета по оказанию помощи раненым воинам подхватили повсеместно [15, с. 237]. Тамбовское губернское земское собрание рассмотрело эти вопросы на августовской чрезвычайной сессии, уже второй с начала войны.

Первое же чрезвычайное губернское собрание произошло в Тамбове 26 июля 1914 г. Помимо традиционных для собраний организационных вопросов, таких как явка гласных, пришлось рассмотреть и несколько вызванных войной проблем: выборы уполномоченного в общеземскую организацию; изыскание средств на расходы, вызванные войной. В первую неделю войны было мобилизовано и несколько земских гласных, которым собравшиеся коллеги решили отправить «приветственные телеграммы» [10, с. 10].

Выборы уполномоченного в общеземскую организацию прошли быстро. Князь Чолокаев отказался баллотироваться, сославшись на возраст, поэтому избрали члена тамбовской уездной управы, либерального деятеля кн. Д. А. Кугушева [10, с. 10; 15, с. 280] и председателя губернской земской управы Ю. В. Давыдова [9, с. 10]. Что касается финансов, то летом 1914 г. никто не предполагал, что война затянется, поэтому и этот вопрос тоже решили достаточно быстро: управе было поручено взять «заём» 800 тыс. рублей под обеспечение четырёхпроцентных облигаций Главного Общества российских железных дорог [10, с. 11, 26].

Второе с начала войны чрезвычайное собрание земцев в Тамбовской губернии прошло, как уже было сказано, 15 августа 1914 г. К обсуждению выдвинуто 4 вопроса: об организации губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам; об организации госпитального лечения и патронажа для раненых и больных воинов; о закрытии в пределах Тамбовской губернии винных лавок на всё время войны; избрание членов в губернский комитет Общеземского союза.

Докладчиком по первому вопросу был председатель управы Ю. В. Давыдов [9, с. 8], который ознакомил губернских гласных с выработанным управой положением об организации губернского комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Задачи, состав и финансовые источники для деятельности комитета были утверждены губернскими гласными без замечаний, в том числе и пункт о сокращении сметных расходов на сумму в 168650 рублей [4, с. 138; 9, с. 14-16]. Полностью были прекращены выдачи ссуд уездным земствам на строительство школьных зданий, отменён съезд санитарных врачей в 1914 г., прекращены обследования молочности рогатого скота, перестали пополнять экспозицию сельскохозяйственного музея и издавать брошюры по сельскому хозяйству. Ещё по пяти пунктам (образование, здравоохранение) расходы были сокращены [9, с. 14-15].

Задачами комитета в том числе были и устройство специальных госпиталей для лечения раненых и больных воинов, оборудование земских больниц и фельдшерских пунктов для тех же целей [Там же, с. 11]. За почти 3 недели после первого чрезвычайного собрания военного времени управа уже предприняла в этом направлении определённые шаги, о чём говорилось в отчёте члена управы Ю. Ю. Новосильцева: «Неотложная задача в настоящую минуту ясна: Тамбовской губ. необходимо иметь 2000 готовых коек и желательно в близком будущем обладать возможностью принять до 4000 призываемых... уже готовы или в недалёком будущем будут оборудованы 1034 коек; кроме того... предполагаются ещё 255 коек, что в общем составит 1289 коек... Кроме того, губернская управа приступила к оборудованию 400 коек для раненых и больных в губернской больнице. Итак, вместе с последней цифрой количество коек возрастает до 1689» [Там же, с. 18-19]. Первоначально средства на это были выделены из сокращённых земских расходов в сумме 70000 рублей [Там же, с. 22].

Кроме коек в городских и уездных земских больницах, специально организованных земских лазаретах, в лечебницах Красного Креста в 1914 г. по решению губернского дворянского собрания был устроен лазарет имени тамбовского дворянства, содержащийся как за счёт средств этой сословной организации, так и за счёт пожертвований. При этом первостатейное значение имели именно пожертвования: по просьбе отдельных дворян учреждались именные койки, на содержание которых ежемесячно вносилась определённая сумма. Недостающие средства субсидировало дворянское депутатское собрание [3, д. 9412, л. 1, д. 9371, л. 26, 32, 34 – 34 об., 52-54, 66, 84].

Что касается вопроса о закрытии казённых винных лавок на всё время войны, то предложение В. М. Андреевского, земского гласного, видного общественного деятеля, было принято единогласно [9, с. 8]. В своём докладе Андреевский подчеркнул, что «мера эта благотворно отзовётся на благосостоянии народа именно осенью, в момент реализации урожая и неизбежного разгула во время осенних престольных праздников. Население же должно быть имущественно сильным, чтобы вынести тяжёлые последствия войны» [Там же, с. 23]. Неизбежный недобор налоговых поступлений из-за отказа от торговли крепкими спиртными напитками было предложено возместить за счёт повышения прямых налогов [Там же, с. 24]. Это, а также отчисления на военные нужды, рост цен на промышленные товары, нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве в последующем привели к инфляции, снижению уровня и без того не слишком высокого благосостояния сельского населения губернии. Впрочем, введение «сухого закона», по отзывам респондентов, привело к «улучшению трудолюбия», сокращению и даже прекращению «озорства, драк, ссор и хулиганства» [14, с. 81, 82]. Однако употребление спиртосодержащих напитков не прекратилось. К. В. Самохин приводит такие данные из проводившегося в 1915 г. опроса: «Вместо водки употребляют, главным образом, денатурированный спирт и в меньшем числе случаев... палитур, одеколон, киндер-бальзам, брагу и квас с примесью одурманивающего напитка» [Там же, с. 82].

Правительство установило запрет на продажу спиртных напитков на период мобилизации. Однако осенью было издано «Высочайшее повеление, предложенное правительствующему Сенату министром юстиции, о продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления от 5 сентября 1914 г.» [Там же, с. 80].

С 20 января по 8 февраля 1915 г. в Тамбове прошли заседания губернского земского собрания очередной сессии 1914 г. Столь поздние сроки проведения были обусловлены военным временем. Как объяснил председатель управы Ю. В. Давыдов, позднее обычного прошли уездные собрания, а во время проведённой 2 января 1915 г. мобилизации почти все рабочие земской типографии были призваны, из-за чего не смогли быть вовремя подготовлены материалы для губернского собрания [8, с. 8]. На первом же заседании гласные по предложению председателя собрания кн. Н. Чолокаева отслужили панихиду «по убиенному в сражении против австрийцев губернскому гласному В. А. Гусеве» и составили «приветственную телеграмму гласным губернского земства, находящимся в действующей армии» [Там же, с. 7-8].

Среди множества вопросов, рассмотренных на губернском собрании, целый ряд косвенно или напрямую касался нужд военного времени. Комитет Её императорского высочества великой княгини Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий обратился, в том числе, и к тамбовским земцам с «горячим призывом не отказать в посильной своей жертве» [Там же, с. 154]. С трёх тысяч рублей, предложенных в докладе управой, сумма по предложению князя Чолокаева была увеличена до десяти тысяч [Там же, с. 15].

Ю. В. Давыдов, председатель управы, внёс на рассмотрение собрания несколько предложений управы. Одно из них – о возбуждении ходатайства перед Романовским комитетом о выдаче ссуды на постройку здания приюта для «призрения 24 сирот павших в борьбе за родину воинов» [Там же, с. 35]. Предложение и сумма ссуды в 30 тысяч рублей были поддержаны гласными.

На заседании 23 января 1915 г. был заслушан доклад-отчёт о деятельности тамбовского Комитета Всероссийского Земского Союза помощи больным и раненым воинам. В докладе, в частности, было отмечено, что неожиданное прибытие транспорта с ранеными из Орла выявило необходимость организации собственного эвакуационного госпиталя и увеличения запасов белья, перевязочных средств, мебели и пр. [Там же, с. 387].

Реализовывая задачу увеличения числа коек для раненых, комитет после оборудования госпитальной базы в помещениях губернской больницы приступил к организации других лазаретов. Патриотический настрой местного населения позволил комитету практически не прибегать к аренде помещений, так как организации и частные лица предоставляли их бесплатно [Там же, с. 389]. Так, в Тамбове под лазареты были предоставлены здания казённого винного склада, Крестьянского Поземельного банка, городской дом М. В. Асеева, помещения при школах огнестойкого строительства, слепых, при Екатерининском учительском институте и др. [Там же, с. 390]. В прочих городах и сёлах губернии наблюдалась подобная ситуация. Поэтому к открытию очередного Собрания 1914 г. в губернии насчитывался 131 лазарет с общим количеством коек 6800, в том числе 4 военных с 1680 койками [Там же, с. 391]. На содержании же земства в лице Комитета находилось 3043 койки [Там же, с. 392].

Источниками средств для работы Комитета являлись ассигнования губернского земства и средства Главного комитета Всероссийского земского союза, а также поступающие пожертвования [Там же, с. 400-401]. Собрание постановило разрешить использовать 75 тысяч рублей, взятых из кредита, на организацию помощи семьям призванных на войну [Там же, с. 47]. Из того же кредита было ассигновано 5 тысяч рублей для «оказания пособия населению Сербии» [Там же, с. 47-48].

Кроме расходов, связанных непосредственно с войной, приходилось увеличивать сметы и на другие нужды в связи с повышением цен, например, на продовольствие, дрова, наём квартир для персонала и пр. [Там же, с. 48, 460, 461]. В ходе обсуждения вопросов здравоохранения гласный А. Р. Кошелев инициировал вопрос об урегулировании снабжения земских учреждений медикаментами, так как с началом войны наметился рост цен на них. Доклад этот «нашёл сочувствие», но рассмотрение вопроса решено было отложить до следующего очередного собрания [Там же, с. 669-673]. Однако вернуться к этому вопросу пришлось раньше.

Интересен тот факт, что на очередном земском собрании 1914 г. планировалось провести в жизнь «новый принцип распределения по благотворительным учреждениям общих расходов так называемого счёта “Заведения вообще”», так как существовавший до этого процент для каждой организации потерял свою актуальность в связи с появлением новых расходов (содержание газовой кухни, электростанции, завода) [Там же, с. 468]. Однако, приняв во внимание доклад управы, было решено, что «провести этот принцип, начиная с 1915 г., не представляется возможным... ввиду содержания в больничном большого числа раненых, расходы существенно уклоняются от нормы» [Там же, с. 49]. Поэтому выполнение постановления было отложено до 1916 г. Видимо, успешное наступление российских войск в Карпатах и победа союзного английского флота у Доггер-Банки, успехи начала 1915 г. вселили надежду на скорое завершение войны.

Об этом говорили и прошения о денежной помощи призванных на войну гласных, земских служащих или членов их семей. Так, Ю. В. Давыдов довёл до сведения гласных прошение служащих губернского земства, призванных на войну, о выдаче им рождественской награды, пояснив, что такое вознаграждение выдаётся «за усиленные занятия перед собранием» [Там же, с. 76]. Посему, по причине отсутствия 10 просящих на подготовительном этапе, ходатайство было отвергнуто. В то же время те служащие, которые были задействованы в подготовительных мероприятиях, свои рождественские награды получили [Там же, с. 84]. Но были и другие примеры. Практически единичный случай был отмечен по предложению С. В. Воейкова в Журнале собрания: отказ вдовы землемера Михайловой от получаемого ею от земства пособия по причине «желания быть чем-либо полезной в тяжёлую для России и Земства годину» [Там же, с. 70].

Очередное земское собрание было закончено на оптимистической ноте: утверждены смета и раскладка губернского сбора на 1915 г. [Там же, с. 86]. Однако в этом году губернским гласным пришлось встречаться ещё неоднократно на чрезвычайных собраниях.

В первый раз такая острая необходимость возникла перед началом полевых работ. Разрешение на проведение чрезвычайного собрания было получено от губернатора, и 7 марта 1915 г. 30 губернских гласных собрались на заседание. Ими было рассмотрено четыре вопроса.

Как следует из доклада управы и ходатайства тамбовского уездного земства, разрешённый чрезвычайным собранием 12 августа 1914 г. заём в 25 тысяч рублей был передан в распоряжение местному отделению Российского общества Красного Креста на содержание лазарета в течение полугода – с 23 августа 1914 по 23 февраля 1915 г. [6, с. 12]. Дополнительные расходы на доплату медперсоналу, выполняющему обязанности призванных на военную службу врачей и фельдшеров, на выдачу пособия на отопление семьям

запасных нижних чинов и ратников ополчения требовали новых займов. Сумму займа Управа определила в 50 тысяч, «с тем чтобы в течение пяти лет его покрыть, внося в смету расходов по 10 тысяч рублей ежегодно, начиная с 1916 года» [Там же, с. 13]. Губернское собрание дало разрешение тамбовскому уездному земству на требуемый заём.

Однако в большей степени губернских гласных, и не только их, беспокоил предстоящий сельскохозяйственный сезон. В докладе по этому вопросу, в частности, отмечалось, что «война... привела в ряды войск большую часть всего мужского населения губернии, ...ту его часть, которая являлась наиболее работоспособной и составляла главную рабочую силу в выполнении сельскохозяйственных работ» [Там же, с. 15]. Доклад Управы был подготовлен на основе взаимодействия с уездными земствами. Результаты были далеки от ожидаемых. В конечном итоге чрезвычайное собрание приняло следующие постановления [Там же, с. 18-19]: 1) для приобретения семян земства берут на себя труд по возбуждению ходатайств перед Государственным банком о выдаче ссуд кооперативным товариществам (предполагалось, что семенной материал будет предоставлен в виде возвратной ссуды или безвозвратного пособия [Там же, с. 17]); 2) оказание бесплатной или платной помощи трудом земства не предоставляли, а деятельность в этом вопросе «может быть направлена лишь в сторону нравственного воздействия на население путём воззваний» [Там же, с. 18]; 3) продажа или сдача в аренду по льготным ценам машин или орудий труда предоставляется в полное распоряжение уездных земств, не гарантируя со своей стороны даже возмещение убытков; 4) для приобретения машин и орудий для прокатных пунктов ассигновали 200 тысяч рублей.

В силу того, что из-за нехватки времени и данных было невозможно определить реальные потребности семей призванных на войну, Губернский Комитет предложил проводить расчёты, исходя из площади крестьянских посевов и численности крестьян в уездах, а также плотности населения [Там же, с. 19-20]. Прокатными машинами и орудиями труда могли воспользоваться все жители уездов. Однако семьи призванных пользовались «правом первой очереди» [Там же, с. 21]. Отмечалось также, что прокатные пункты должны особое внимание уделить уборочной технике, так как до этого они ею практически не располагали.

Таким образом, вся помощь земства выливалась только в обеспечение посевным материалом и орудиями труда. Вопрос с рабочей силой не был решён. Земцам представлялось, что население само должно было помогать друг другу. В связи с этим особое внимание было обращено на возможность использования труда военнопленных при сельскохозяйственных работах [Там же, с. 9-10, 36-37]. Проект «Правил об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» был препровождён в губернскую Управу губернатором для ознакомления. Правила налагали на земство определённые расходы, против которых выступили гласные. В частности, предоставление одежды и обуви, наём в случае необходимости сторожей для охраны пленных, притом, что в целом эта миссия возлагалась на «чины местной полиции» [Там же, с. 35, 37].

Согласно правилам, военнопленных предоставляли только в том случае, если Управы подали заявление не позднее 2-х недель со дня издания Правил, а далее – в сроки, устанавливаемые военным начальством. При этом принимающая сторона должна была сообщить место приёма пленных (железнодорожная станция или паромная пристань), срок их прибытия, число военнопленных для каждого пункта и срока отдельно, время пребывания, фамилии ответственных за приём в каждом пункте [Там же, с. 33].

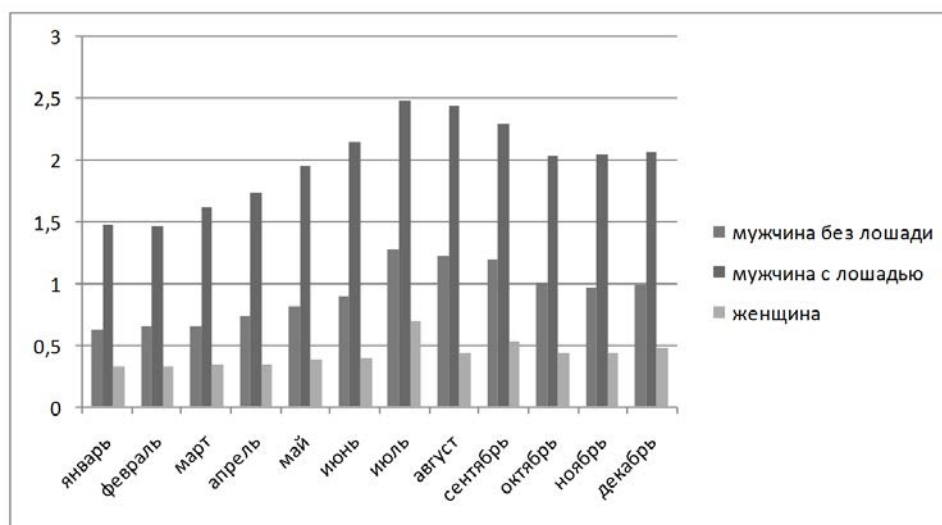
Максимальное число военнопленных, которых можно было пригласить на всю губернию, – не более 10 тысяч человек, при этом минимальное число на каждый пункт – 100 человек [Там же, с. 34]. Для нужд Тамбовской губернии, крупнейшей в европейской России, эта цифра была недостаточна. А в дальнейшем ситуация ухудшилась. В феврале 1917 г. Ю. В. Давыдов писал: «Губернское земство возбудило ходатайство перед подлежащими властями о присылке для Тамбовской губернии 60 тысяч военнопленных инородцев и рабочих китайцев, но рассчитывать на получение такого количества рабочих едва ли возможно» [3, д. 9496, л. 75].

При привлечении военнопленных в 1915 г. возникли затруднения, которые не предвиделись в марте. Так, на чрезвычайном собрании 18 июня 1915 г. гласный М. М. Охотников сообщил, что циркуляры, изданные «в развитие основного положения», затрудняют «пользование трудом военнопленных» и «обратную отдачу военному начальству тех пленных, которые по болезни, нежеланию работать или же по другим каким-либо причинам, возвращены обратно в Управу. Таких приходится держать по неделям..., что и дорого и обременительно...» [7, с. 15-16].

Ещё одним условием привлечения военнопленных на работы была оплата, размер которой, согласно Правилам, назначался Управой. При этом только часть суммы выдавалась работнику, остальное поступало земству на возмещение расходов по приёму, содержанию (медицинская помощь, продовольствие, одежда, обувь) и охране пленных [6, с. 34-35]. Губернское собрание решило, что определение суммы платы нужно передать уездным земствам в лице Управ как «органов, ближе стоящих к населению» [Там же, с. 36]. При этом должны были учитываться тарифы на оплату подённой работы в каждом из уездов. В 1915 г., как и впоследствии, цены повышались ежегодно и колебались посезонно. На диаграмме представлены колебания усреднённых тарифов по данным губернской Управы [2, д. 399, л. 1 об., д. 400, л. 1 об., д. 401, л. 1 об., д. 402, л. 1 об., д. 403, л. 1 об., д. 404, л. 1 об., д. 405, л. 1 об., д. 406, л. 1 об., д. 407, л. 1 об., д. 408, л. 1 об., д. 409, л. 1 об., д. 410, л. 1 об.].

Пиковые показатели достигаются в летние месяцы, что безусловно связано с уборочной, но не только. Число рабочих рук и поголовье тяглового скота заметно сокращаются к осени 1915 г. В период с 18 (31) июля 1914 г. по 1 (14) января 1916 на фронт ушло 67% от общего числа мобилизованных во время войны [14, с. 40]. По данным опроса, проводившегося в Тамбовской губернии в 1915 г. среди добровольных корреспондентов (ДК) и членов волостных правлений (ВП), на недостаток рабочих рук указало 10,8 (ВП) – 12 (ДК)% опрошенных по губернии [Там же, с. 107].

Средняя оплата за подённую работу в 1915 г.



Немаловажным для губернии был и четвёртый вопрос – о мерах борьбы с «могущими появиться эпидемиями» [6, с. 8]. Как показал опыт прежних лет, в Тамбовскую губернию эпидемические болезни заносились с Волги. Однако большое число раненых и больных с театра военных действий, а также пленных расширили географию заражений. Управа, считая железные дороги способствующими быстрому распространению болезней, называла в своём докладе одной из главных мер предотвращения эпидемий «устройство по главным артериям по линии железной дороги – целого ряда пунктов, на которых возможно было бы извлекать заболевших и их изолировать» [Там же, с. 28]. Эта мера тем более была актуальна, что уже весной 1915 г. ощущалась нехватка не только врачей, но и медперсонала на местах. В 1914-1915 гг. на фронт было призвано 35% общего числа врачей [1, с. 157]. Бараки предполагалось строить по типу боксов: 3-5 изолированных отделений, каждое на 2 палаты, с отдельным входом и собственным санузелом. В каждом отделении должна была быть своя сиделка. Кроме «заразных бараков», при каждом пункте должно быть отделение на 2 палаты для «сомнительных», оборудованное аналогично. В целях профилактики при каждом бараке предполагалось устроить ещё дезинфекционную камеру с паровым котлом и баню [6, с. 28-29].

На постройку этих бараков на крупных железнодорожных станциях Грязи, Козлов, Тамбов, Кирсанов, Борисоглебск, Моршанск и Сасово предполагалось выделить 145900 рублей и на покупку дезинфекционных средств и вакцин ещё 10 тысяч [Там же, с. 29-30]. Собрание приняло доклад управы «во всех его частях» [Там же, с. 9].

Открытие следующего земского собрания инициировалось на 18 июня 1915 г. [2, д. 107]. По прибытии 42 гласных собрание было открыто Губернатором. Не все рассматриваемые вопросы касались войны, помощи раненым или семьям призванных, но так или иначе они были обусловлены именно нуждами военного времени. Например, ходатайство подрядчика Пикулина о повышении сметных цен на постройку здания земской управы, бактериологического института и заразного отделения [7, с. 9-12, 24-32] или доклад Управы о повышении жалования служащим губернского земства [Там же, с. 19-20, 51-55].

Как следует из доклада «О санитарных мероприятиях в связи с военными обстоятельствами», уездные земства, не дожидаясь средств из казны на устройство эпидемиологических бараков, приступили к их строительству. Ю. Ю. Новосильцов высказал мысль, что земские ассигнования послужат доказательством острой нужды «в мероприятиях по борьбе с эпидемиями» [Там же, с. 21]. Гласных заинтересовал пример Борисоглебского уезда, где планировалось строительство барака на 30 кроватей. Борисоглебская земская управа и городское управление попросили разрешение на возведение данного сооружения на совместные городские и земские средства, но не на 30, а на 50 кроватей. Сметная стоимость равнялась 30 тысячам, из которых 15 тысяч давали городские власти и 15 тысяч – земство [Там же, с. 59-62].

Однако начатое строительство не было завершено к моменту возникновения необходимости в эпидемиологических бараках. Вопрос о финансировании также оставался спорным и в последующем. Так, на чрезвычайной сессии в августе того же года гласные всё ещё спорили о сумме средств, которые должно было дать губернское земство, о доле уездных земств и возможности решить проблему строительства за счёт государственных ассигнований [11, с. 8-13].

Тем не менее, к моменту открытия собрания в губернии уже было зафиксировано 309 случаев заболевания холерой, 143 с летальным исходом [Там же, с. 19]. Первый случай был зарегистрирован в Кирсанове, где заболел сопровождавший пленных австрийцев солдат. К счастью для кирсановцев, на тот момент этот эпизод оказался единственным. Единичные случаи заболевания были зафиксированы в г. Моршанске, а также Усманском и Лебедянском уездах. Большая же часть заболевших приходилась на Козловский и Шацкий уезды [Там же]. Поэтому в августе Управе было разрешено взять кредит на борьбу с холерой: приглашение эпидемиологического персонала, наём помещений под временные «больнички», обеспечение дезинфицирующими средствами и усиленным питанием [Там же, с. 7, 19]. В августе эпидемиологическая ситуация обострялась ещё и прибытием беженцев [Там же, с. 11].

В докладе «Об открытии кредита на обеспечение семей призванных из запаса, обойдённых законом» рассказывается о деятельности учреждённого Губернского Комитета Всероссийского земского союза. На своём совещании члены комитета приняли вполне обоснованное решение оказывать помощь только тем членам семей мобилизованных, которые не получали пособия по закону 25 июня 1912 г., а также семьям, «существование коих не обеспечивалось казённым пайком» [7, с. 62-63]. К числу обойдённых законом были отнесены «лица, питающиеся трудом мобилизованных», пасынки, падчерицы, племянники, гражданские семьи, сводные братья и сёстры, приёмные родители, тёщи и пр. Выплата пособий, которые иногда превышали доход кормильца до мобилизации, расхолаживали крестьян, исключали необходимость зарабатывать, что в результате сокращало число наёмных рабочих и приводило к повышению цены за подённые работы [14, с. 33-35]. Поэтому земства ориентировались на выявление именно нуждающихся, тех, кто находился на иждивении, т.е. нетрудоспособных. К ним были отнесены: дети до 17-ти лет, старики с 60-ти лет, нетрудоспособные по состоянию здоровья. В последнем случае, если нетрудоспособность была явная (например, увечье), медицинское освидетельствование не требовалось [7, с. 59-64].

Но даже при тщательном анализе ситуации с нуждающимися кредитных денег не хватало на выдачу пособий, поэтому Управа ходатайствовала об увеличении разрешённого кредита вдвое [Там же, с. 66]. Однако по предложению председателя Собрания кн. Чолокаева было решено выплачивать пособия до 1 августа (новый урожай), а затем вновь вернуться к рассмотрению этого вопроса [Там же, с. 23]. Однако надежды на то, что урожай будет собран и реализован, не оправдались, а досрочный призыв 7 августа 1915 г. увеличил число семей, нуждающихся в пособиях. Дело в том, что была отменена льгота, дающая освобождение от призыва единственным сыновьям в семье [11, с. 25].

Таким образом, на августовской чрезвычайной сессии было принято решение продолжить выплату пайка тем, кому он был определён предыдущим Собранием, а также назначить пособие семьям «лиц, призванных на действительную службу 7 августа, со льготой 1-го разряда» [Там же, с. 13-14]. Как отмечал П. П. Щербинин, столь избирательная раздача средств вызвала недовольство в крестьянской среде. Однако «в целом выдаваемых государством сумм и пайков из собственных земских средств для поддержания солдатских семей вполне хватало. И получали их... регулярно и в большинстве случаев только те, кому они были предназначены по закону» [16, с. 71].

Летом 1915 г. стало очевидным, что скорого окончания войны ждать не стоит. В связи с необходимостью оказания помощи не только семьям мобилизованных, раненым и больным воинам, но и действующей армии, стали происходить объединения общественных и благотворительных организаций в более крупные союзы, создавались общества иного профиля. В июле был создан Земгор. Местные земства, в том числе и Тамбовской губернии, также объединялись с городскими комитетами для совместной деятельности. Однако, вместе тем, тамбовское губернское земское собрание, по предложению Управы, «признало необходимым, чтобы общее дело изготовления в губернии предметов снаряжения ведал особый комитет, присвоив ему название “Тамбовский Губернский Объединённый Военно-Технический Комитет”» [11, с. 28]. В состав этого комитета автоматически были включены все губернские гласные, земская управа [Там же, с. 15]. Исполнительным органом комитета стало Правление из 7 членов, в числе которых были председатель управы, его заместитель, городской голова и 4 уполномоченных: инженеры Н. О. Диамандиди, Ф. М. Котляров, Г. Т. Степанов и М. И. Сатин.

Для решения задач, поставленных перед комитетом, Собрание признало необходимым объединение «всех кустарных и промышленных сил губернии в деле снабжения армии» [Там же, с. 29]. Финансировать деятельность Комитета должен был Главный Комитет, поэтому для организационных мероприятий собрание выделило 5 тысяч, которые были сразу же записаны в долг [Там же, с. 30-31]. Собственно, на этом чрезвычайное собрание и окончил свою работу.

Как исполнительный орган земства Управа вела активную работу между сессиями. Все вопросы, подлежащие решению Собранием, тщательно прорабатывались, готовились доклады, в которых разъяснялась суть задачи и намечались варианты её решения. В военные годы таких проблем было немало. Едва закрылось одно чрезвычайное собрание, как началась подготовка к следующему. Подготовленные материалы с ходатайством о разрешении созыва Собрания были направлены Губернатору [2, д. 75]. После получения разрешения была назначена дата – 12 октября 1915 г. К открытию собрания прибыло рекордное число гласных – 56 человек [5, с. 5]. Этому была вполне определённая причина: гласные должны были избрать члена Государственного Совета. Процедура была традиционной: кандидаты «намечались» записками, а потом происходила «баллотировка шарами». Из 6 кандидатов избранным оказался С. И. Комсин, остальные от баллотировки отказались [Там же, с. 6].

Ещё одним примечательным событием утреннего заседания было составление «Верноподданнейшей» телеграммы Николаю II. Помимо необходимых в этом случае выражений полной поддержки и всенародной любви, веры в победу, в тексте было отмечено: «...в этот грозный час, не верьте, Государь, тем, кто выдаёт Вам скорбь народной души за смуту и крамолу. Мы, земцы, люди земли. Ваши верные слуги и горячо любящие дети единой России. Им чужда смута. Они Ваша главная и надёжнейшая опора. Не верьте, Государь, наветам и изберите слуг Ваших, способных... довести нашу родину до победного конца нынешней исторической борьбы» [Там же, с. 6-7].

Важность выборов в Государственный Совет для гласных подчёркивается ещё и тем фактом, что на вечернее заседание того же дня явилось чуть более 30 человек, несмотря на то, что вечером избирали членов сметно-ревизионной комиссии [Там же, с. 8].

На всех собраниях земства в военные годы большое внимание уделялось вопросам медицины, что объяснялось высоким уровнем заболеваемости и смертности населения, постоянной опасностью возникновения

эпидемий в городах и, что ещё страшнее, в сельской местности в виду сокращения медицинского персонала. В октябре – гораздо раньше намеченного срока – гласные вновь вспомнили о докладе лебедянского гласного А. Р. Кошелева. Однако осенью ситуация значительно ухудшилась, и теперь «цифры... пугавшие нас (*Управу и гласных – И. Д.*) в прошлом году, в настоящее время являются идеалом мечтаний, и ожидать серьёзного понижения их в ближайшем будущем, даже при наличии таких возможных крупных факторов как падение Дарданелл, решительно нет никаких оснований» [Там же, с. 24]. Решением проблемы могла бы стать организация фармацевтической промышленности в России, так как медикаменты в основном были импортными. Но в военное время масштабная переориентировка промышленных мощностей была нереальна. Выход из ситуации виделся в организации объединённой общегубернской закупки медикаментов на нужды земства «по возможности из первых рук» или же через Всероссийский Земский Союз [Там же, с. 23-25]. Но даже при таком раскладе предлагалось увеличить закупочный бюджет на 50% и работать только с полной предоплатой, т.к. стоимость росла еженедельно, никаких «твёрдых цен» уже не существовало.

Решение Собрания по докладу о закупке медикаментов было принято безотлагательно. Сумму займа с предполагавшихся Управой 250 тыс. рублей увеличили до 275, но с условием, что медикаменты будут выдаваться только после полной выплаты их стоимости или при внесении в смету соответствующего уездного земства «в течение 5 лет по равным частям ежегодно и с начислением условленных процентов стоимости...» [Там же, с. 9].

Последнее заседание чрезвычайного собрания было назначено на вечер 13 октября. В тот день рассматривались только вопросы, связанные с войной, поэтому присутствие всего 16 гласных считалось законным. Первым был обсуждён вопрос о приобретении участка земли в Елатомском уезде. В данном случае очень хорошо просматривается практичность земцев: ещё в 1912 г. очередное земское собрание приняло решение о строительстве «порайонной психиатрической лечебницы на 200 кроватей для четырёх северных уездов» [Там же, с. 29]. И вот теперь подходящий участок был выставлен на продажу. Вряд ли бы в военное время земство решилось бы на покупку, если бы военное ведомство на этом участке не предположило бы построить «для раненых и больных воинов бараки на 800 человек, которые затем могут перейти в пользование губернского земства» [Там же, с. 30]. Поэтому Собрание утвердило сделку на покупку участка в 60 десятин, «отнеся потребную на сей предмет сумму... на запасной капитал, возвращённый правительством за постройку здания психиатрической лечебницы в г. Тамбове» [Там же, с. 11, 30].

Осенью была поставлена точка и в дискуссии о выдаче пайков «лицам, обойдённым законом 25 июня 1912 года». Несмотря на возражения отдельных гласных, было решено выдачу пайков прекратить с 1 ноября 1915 г. [Там же, с. 12]. Основанием для этого стало то, что к октябрю весь урожай был собран и реализован, а потери из-за ненастной погоды оказались значительно ниже, чем предполагалось [Там же, с. 31-32].

На октябрьском Собрании впервые выдвигается вопрос о «признании беженцев». Если ранее он решался управами, то на основании «вновь изданного закона» должен бы перейти в ведение Губернского комитета Земского Союза. Несмотря на прения и заявление гласного Воейкова, что «было бы более правильно, если бы вся деятельность, а вместе с сим и ответственность лежали бы на Земской Управе, а не на Губернском Комитете», единогласно было принято решение передать «попечение» о беженцах в Комитет [Там же, с. 12]. Вопрос о деятельности Комитета по данному вопросу был заявлен в повестке, поэтому председатель собрания Чолокаев не позволил его обсуждать. Все средства, которые были внесены в смету на «удовлетворение нужд по признанию беженцев», были переданы Комитету.

В 1915 г. необходимости в созыве Собрания более не возникало, все вопросы, подлежащие его юрисдикции, вполне могли быть рассмотрены на очередном Собрании 1915 г., которое традиционно состоялось в начале следующего 1916 г. Текущие дела разбирались Управой.

Таким образом, за период с начала Первой мировой войны до конца 1915 г. в Тамбовской губернии было создано 7 губернских земских собраний, из которых 6 были чрезвычайными. Диапазон рассматриваемых вопросов был широк. На чрезвычайных собраниях в основном решались проблемы, связанные с военным временем. На очередном же собрании они составляли большую часть. Ситуация менялась стремительно, и принимаемые решения приходилось корректировать регулярно. Особенно плохо прогнозировались денежные вопросы в связи с ростом цен, поэтому подчёркивалось, что планировать расходы нужно с учётом инфляции. Однако из-за того, что доходная часть не могла увеличиваться, земству приходилось прибегать к кредитам гораздо чаще, чем в предвоенные годы.

Из материалов губернских земских собраний также видно, что ухудшалась и ситуация с кадрами. Призыву подлежали как сами гласные, так и земские служащие, включая инженерный и медицинский персонал. Особенно остро нехватка кадров была заметна именно в сфере здравоохранения в связи с развёртыванием в губернии госпиталей, появлением эпидемических и инфекционных заболеваний.

Список литературы

1. Алёхина Е. В. Деятельность Тамбовского земства в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг.: дисс. ... к.и.н. Тамбов, 2005. 197 с.
2. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 143. Оп. 1.
3. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1.
4. Есиков С. А., Щербинин П. П. Деятельность тамбовского земства по оказанию помощи семьям нижних чинов, призванных на Первую мировую войну // Россия в мировых войнах XX века: материалы научной конференции. М. – Курск, 2002. С. 133-139.

5. Журнал чрезвычайного губернского земского собрания 12-го октября 1915 г. с приложениями. Тамбов: Типография губернского земства, 1915. 42 с.
6. Журнал чрезвычайного губернского земского собрания заседания 7-го марта 1915 г. с приложениями. Тамбов: Типография губернского земства, 1915. 51 с.
7. Журнал чрезвычайного Тамбовского губернского земского собрания 18-го июня 1915 года с приложениями. Тамбов: Типография губернского земства, 1915, 69 с.
8. Журналы Тамбовского губернского земского собрания очередной сессии 1914 года с прил. Тамбов: Типография губернского земства, 1915. 699 с.
9. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной августовской сессии 1914 г. с прил. Тамбов: Типография губернского земства, 1914. 24 с.
10. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной июльской сессии 1914 г. с прил. Тамбов: Типография губернского земства, 1914. 35 с.
11. Журналы Тамбовского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 10 августа 1915 г. с прил. Тамбов: Типография губернского земства, 1915. 31 с.
12. Канищев В. В. Кутушевы // Тамбовская энциклопедия. Тамбов: Юлис, 2004. С. 280-281.
13. Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. М.: Бородино-Е, 2003. 256 с.
14. Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). СПб.: Нестор, 2004. 122 с.
15. Судавцов Н. Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1864-1918: в 2-х кн. М.: Наука, 2005. Кн. 2. С. 237-316.
16. Щербинин П. П. Взаимоотношения крестьянства и земства в Тамбовской губернии в период Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений: мат-лы Международной науч.-практ. конф. Мичуринск: Мичуринск, 2014. С. 69-73.

ACTIVITY OF TAMBOV ZEMSTVO ASSEMBLY IN THE INITIAL PERIOD OF THE WORLD WAR I (JULY 1914 – 1915)

Dvukhzhilova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History
Tambov State Technical University
e_riniya@mail.ru

The article analyzes the consideration of wartime problems at the meetings of Tambov provincial zemstvo assembly in the period of 1914-1915. As sources for the research the author uses the published journals of regular and extraordinary provincial zemstvo assemblies, and the materials of the funds of the State Archive of Tambov region. It is concluded that the events of the war left their mark on all the problems solved by the local zemstvo, and added a number of new ones. However, the overall activity of Tambov zemstvo in this period can be described as positive.

Key words and phrases: zemstvo; Tambov province; the World War I; prisoners of war; junior ranks; field hospital; estimate; epidemiological barrack.

УДК 94(571.51)«1914-1918»

Исторические науки и археология

В статье исследуется вопрос о причинах продовольственного кризиса в Енисейской губернии во время Первой мировой войны. Автор анализирует общероссийскую экономическую конъюнктуру и региональные особенности сибирской экономики. Показано, что главными причинами кризиса в земледельческой восточносибирской губернии, отдаленной от театров боевых действий, стали сословный состав городских администраций, их несвоевременные и нескоординированные действия, а также отсутствие железнодорожных путей сообщения между уездами.

Ключевые слова и фразы: дороговизна; Енисейская губерния; Первая мировая война; продовольственная комиссия; продовольственный кризис; спекуляция; таксировка цен.

Долидович Олеся Михайловна, к.и.н.
Сибирский федеральный университет
dolidovich@mail.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[©]

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-11-24002.

7 мая 1916 г. в Красноярске, административном центре Енисейской губернии, был устроен погром на городском базаре. Толпа женщин и подростков грабила лавки с продовольствием. Их поддерживали солдаты и солдаты местного гарнизона, оказавшие сопротивление прибывшим отрядам полиции. Были признаны